

«Гергиев был в ужасе, просто рвал и метал. Кричал: «Я не буду дирижировать. Здесь Бородина, она должна это петь!»

Ольга Бородина — Газете

преьера

«Я ленива, но знаю словечко «надо»

Ольга Бородина — Газете

Сегодня в Мариинском театре покажут первую премьеру сезона — оперу Сен-Санса «Самсон и Далила». В главной партии выступит prima-donna театра **Ольга Бородина**, для которой, собственно, и затеяна постановка. Накануне премьеры с **Ольгой Бородиной** встретилась **Голяра Садых-заде**.

Фотограф: Никита Ишутаев

Ольга Бородина:

«Проблема в том, что немногие западные певцы могут по-настоящему петь русскую музыку»

«Гергиев всегда был грозен, а я была скромная дебютантка»

Вы пришли в театр более пятнадцати лет назад. Как могло случиться, что за это время вашего уникального меццо-сопрано не поставлено ни одного спектакля? Притом что отношения с Валерием Гергиевым у вас стабильно хорошие... Отношения-то хорошие, но вот мой репертуар для меццо он не очень-то любит.

Как так? Он же любит Римского-Корсакова, это очевидно. Вы даже спели с ним как-то «Царскую невесту» в концертном исполнении, причем вашим партнером был Хворостовский. Мы и запись «Царской» сделали. Но опера так и не поставлена в театре. Почему — вопрос не ко мне.

Вы сами вообще-то откуда родом будете? Из Питера. Я, мои родители и родители моих родителей. Соответственно — Ленинградская консерватория. Училась у Ирины Богачевой.

Каким образом попали в Мариинский театр?

Пришла на прослушивание к Тимирканову, он тогда был главным дирижером. В театр меня взял именно он. Это произошло, кажется, в восьмидесятом году. Или в восьмидесяти шестом. Но так случилось, что первым дирижером, с которым мне довелось работать в театре, был Валерий. Он вел несколько «своих» репертуарных спектаклей, в их числе был «Фауст». А мне поручили спеть партию Зибелы — это такой школяр-студент, безотчетливо влюбленный в Маргариту. Конечно, партия была совершенно не моя; я не очень гоюсь для трагедийных ролей. И диапазон не мой — в до мажорчике написано, для какого-то

промежуточного голоса. Я чувствовала себя чудовищно плохо в до мажоре: это очень неудобная тональность, слишком высокая. Помню, что я долго возилась с партией, а Валера должен был прийти в классе ее принимать. Я занималась слишком много со страхом. И так напелась этого Зибелы, что уже хрипела. Как начну петь, сплошных петухов пущаю. Он пришел, послушал и говорит: «Знаете, вы очень рискуете. Что это такое, что вы мне тут показываете?» Вот такая была наша первая встреча. Я была в ужасе, просто не знала, что мне делать.

Но он ведь тогда, в молодости, был не так грозен, как сейчас... Ой, нет, он всегда был грозен. Всегда очень уверен в себе и требователен ко всем. А я была скромная дебютантка, да еще и не в своем репертуаре, в общем, обрела. Я действительно плохо тогда спела.

А как потом развивались отношения дирижера и певицы?

А потом он, видимо, все-таки расслышал во мне потенциал — после того как я несколько раз спела Зибелу, Полину в «Пиковой даме». И как-то мной заинтересовался, наверно, почувал, что во мне что-то есть. Решил сразу дать мне спеть в «Хованщине» сложнейшую партию Марфы. Тут в театре у всех случилась истерика: все меня отговаривали, говорили, что для этой партии я слишком молода и не готова ни морально, ни физически. Все наши маститые меццо — Гороховская, Богачева, Филова, — все они считали, что мне категорически нельзя петь «Хованщину», что это преждевременно и даже неприлично. Пугали: «Это слишком рано, женщина должна быть умудренной опытом, должна элементарно владеть голосом...» А я была зеленой девчонкой. Помню, как Ирина Петровна даже пошла к Гергиеву и заявила: «Моя студентка не будет петь эту партию!» А он: «Я сказал, она будет петь». И кто бы ему что ни говорил, он не изменил решения. Я тоже подходила к нему, просила снять меня с партии. Он ответил: «Это не обсуждается. Будешь петь». И все.

То есть Гергиев действовал методом шок-обучения: бросал в воду и следил, выплывете или нет...

Примерно. Да мало того — это было возобновление старого баратовского спектакля. Я к тому времени только-только выучила партию, у меня еще не было ни одной репетиции. А спектакль должен был транслироваться по Евровидению, и петь в нем должна была Гороховская.

Но Гороховская всегда боялась этой партии — для ее голоса она была низковата. Фактически она написана для контральто. И тут вдруг она за день до трансляции отказывается петь. И что вы думаете? Звонят мне из режиссерского управления и сообщают: «Готовься, завтра поешь в «Хованщине»». А я только что выучила партию и не только не «впела» ее, но даже не знала, куда ходить на сцене. Работала в театре два часа со мной репетирующая: откуда заходить, куда выходить. Это был кошмар! В общем, я вышла петь в шоковом состоянии. Но с этой евротрансляцией, можно сказать, и началась моя жизнь как певицы.

«Доминго говорил:

«мы с тобой еще

поработаем вместе»

Из вас сделали певицу или вы сами стали певицей?

Я стала певицей сама. Сегодня я уже понимаю: научить никого нельзя. Можно только научиться. Хотя сейчас я не вижу в театре человека, который бы понимал, что в каждой солисту, к каждой творческой личности нужен глубоко индивидуальный подход. Нельзя всех стричь под одну гребенку и навязывать всем определенные модели пения, актерской игры. Другое дело, что общение с такими крупными музыкантами, как Гергиев, Пласидо Доминго, Джеймс Ливайн, фактически сформировало меня как певицу и как личность. Я много ездила, смотрела, общалась с великими музыкантами, которые меня всячески поддерживали; все это сыграло решающую роль в моем становлении.

Вспомогая, как бережно вел себя со мною тот же Пласидо Доминго. Я пришла петь «Самсона и Далилу» в «Ковент-

Гарден». Только выучила партию, ни разу не пела ее на сцене. Конечно, меня трясло крупной дрожью: вызвали меня внезапно, подменить заболевшую певицу. В театре срочно искали Далилу — и тогда, насколько я знаю, меня рекомендовал Гергиев, потому что он дружил с тогдашним артистическим директором «Ковент-Гардена» Полом Финдли. Финдли меня уже знал по конкурсу в Барселоне — я там заняла первое место — и не возражал. И Пласидо меня там слышал. Поэтому, когда ему предложили меня в качестве партнерши, он тут же согласился. Искренне хотел со мной петь, говорил: «Мы с тобой еще поработаем вместе». И мы действительно очень часто оказываемся партнерами на сцене.

Доминго, конечно, идеальный Самсон.

А кто еще пел с вами Самсона?

Хосе Кура; он был неплох в этой партии. Потом, правда, у него началось период самодовольствия. Он решил, что лучше него никого нет, — и планочка художественная у него резко поехала вниз. Кура быстро взлетел, потому что действительно талантлив, у него шикарный, большой голос. Но у него не было настоящей стабильной вокальной школы, он все время как-то при-

способлялся к партиям. Но это могло продолжаться до поры до времени... В один прекрасный день ловишь себя на мысли, что его уже неинтересно слушать. Повеле человека не в ту сторону. Мне говорили, он сейчас что-то понял и начал выправляться. Посмотрим...

Жаль, что вы так и не уговорили Галузи-на спеть Самсона...

Ох, сколько я его уговаривала! Хосе Самсон — это же абсолютно его партия! Не хочет: лень учить, лень менять репертуар, а еще он почему-то боится французского языка. И все же, я думаю, рано или поздно Володя придет к этим партиям. Главное, чтобы поздно не было.

Странно, что он боится французского, — он же живет в Бельгии, во франкоязычной части...

Я считаю, все проблемы его от лени — язык ведь учить надо...

А вы человек не ленивый?

По натуре — ленивый. Но есть и вторая сторона медали: словечко «надо». Оно для меня не пустой звук. И тогда я очень быстро подберируюсь, собираюсь и начинаю плотно работать. Несколько лет назад, когда я решила все-таки перейти на вердиевский репертуар, Гергиев мне сказал: «Учи Амнерис!» И я выучила партию очень быстро, кажется, за неделю. И сразу вышла петь, причем спектакль транслировался по телевидению.

У вас же колоратурное меццо, оно идеально подходило для Россини...

Было колоратурное меццо. Теперь нет. Теперь, после Верди, у меня более плотный голос.

Но еще совсем недавно, на фестивале «Звезды белых ночей», вы давали сольный концерт. И неожиданно спели на нем арию Лизы из «Пиковой дамы», рассчитанную на драмсопрано.

Да, это была одна из безумных моих затей. Дело в том, что на свете, к сожалению, существует не так уж много главных меццо-сопрановых партий. Да и из них какие-то на голос не ложатся. И часто случается, что сопрано мечтают спеть меццо-сопрановые партии, а меццо — наоборот, сопрановые. И те и другие друг другу завидуют.

А-а, это по принципу: брюнетки хотят быть блондинками, и наоборот.

Да-да. Вот и я — всю жизнь мечтала спеть Лизу. Вся партия целиком мне, конечно, не потянуть: тесситура слишком высока. Но конкретно ария Лизы мне вполне доступна. Все высокие ноты в ней — это рабочие ноты и для меццо.

Есть у меня еще мечта: хочу спеть любовный дуэт из «Отелло», это моя любимая опера Верди. Мне кажется, у меня получится бы. Только дуэт; я не говорю о всей партии Дездемоны. Можно было бы даже записать его.

Что же «Царскую невесту» на Западе не ставят?

Кое-где ставят, в Сан-Франциско например. Я там пела Любашу, со мной работал американец-режиссер, индиец по происхождению.

И что, он все понял в этой опере?

Не совсем все, но я смогла ему объяснить то, что он не понял. Сразу было ясно, когда он чего-то не понимал, — все беспокоилось, спрашивал: ты почему так помотришь, почему ты так села? А я ему: «Ты перевод-то знаешь?» — «Знаю», — и пересказывает мне совершенно не то. Я говорю: «Нет, неправильно. Здесь то-то и то-то сказано». То есть человек был просто дезинформирован плохим переводом. Но он очень старался и какие-то режиссерские ходы нашел очень удачные.

Проблема в том, что немногие западные певцы могут по-настоящему петь русскую музыку. Вот в «Метрополитен-Опера» в «Хованщине» Марфу как-то пела Долора Зайчик. А Гергиев дирижировал. Так он был в ужасе, просто рвал и метал. Кричал: «Я не буду дирижировать! Здесь Бородина, она должна это петь!»

А я в то время тоже была там, на другом репертуаре.

Ну действительно, человек поет и не понимает сущности партии. Все ноты выпевает, но духовности, мистического образа не ощущает. А это нельзя объяснить — можно только почувствовать.

«Я сбилась со счета, сколько раз мы выходили на поклонны»

У вас три разновозрастных сына. Младшему сейчас меньше года. Материнство обогащает ваше исполнительное? Вы транслируете ваш эмоциональный опыт в работе над партиями?

Никогда напрямую не транслирую, боже упаси! Но любой житейский и эмоциональный опыт, конечно, меняет сознание человека. И тяжелые, и счастливые моменты жизни, пережитые когда-то, подсознательно присутствуют в исполнении. От этого никуда не деться. Сейчас я понимаю ошибку старшего поколения певцов, считавших, что мне рано в двадцать пять лет петь Марфу. Но задумайтесь: а сколько лет самой Марфе? Она молодая девушка; набожная, даже фанатичная, но девушка, притом любящая.

Однако в образе есть и нечто ведьминское: в конце концов она силой духа могла смиришь Андрея, пророчица будущей в сцене гадания...

Валерий спросил: «Когда ты приезжаешь?» — «Двадцать восьмого» — «А когда тебе нужно уехать?» — «Вообще-то первого декабря» — «Ты можешь остаться до второго?» — «Наверное, могу» — «Тогда давай второго сделаем «Самсона»»

Ничего она не пророчила. Все, что Марфа нагадала князю Голицыну, она уже знала. Знала, что он попал в опалу. И она сыграла сцену гадания специально для Голицына, это сто процентов.

Вы много поете в сезоне, большая нагрузка?

Очень большая. Пою везде, по всему миру. Сейчас вам предстоит «Итальянка в Алжире» в «Метрополитен». Опера-буффа не совсем ваш вариант. Значит, опять предстоит перестройка голоса, сознания, сценических приемов?

Естественно. Причем нужно успеть за две недели. Дают так мало времени, потому что это не новая постановка, а возобновление; я вхожу в уже существующий спектакль.

Ливайн, кажется, собирался поставить на вас весь меццо-сопрановый репертуар: там даже «Троянец» Берлиоза фигурировали.

Да, со мной был подписан контракт на «Троянец». Но я уже не хочу петь

в «Троянцах», партия мне не подошла. Я отказалась.

В ближайших планах «Метрополитен» — «Джоконда». Постановка планируется на 2005 год. Там у меня огромная партия Ляури; я ее просмотрела — так, приблизительно. Еще не знаю досконально оперы, знаю откуда только «Роман слепой». И целиком «Джоконду» никогда не слышала. А еще в «Метрополитен» мне предстоит петь Далилу, Кармен, Эболи в «Дон Карлосе».

В Мариинском ставить «Самсона и Далилу» решили как-то внезапно. Почему?

Да все случилось неожиданно. Валерий спросил: «Когда ты приезжаешь?» — «Двадцать восьмого» — «А когда тебе нужно уехать?» — «Вообще-то первого декабря» — «Ты можешь остаться до второго?» — «Наверное, могу» — «Тогда давай второго сделаем «Самсона»».

Он пришел с гастролей, и у него осталось буквально несколько дней до премьеры по-репертуарно.

На самом деле так, конечно, не делается. Постановщик Шарль Рубо поставлен в жуткие условия. Он просто невероятно деликатный человек; другой бы разгромил тут все. Хорошо прилетает с гастролой за четыре дня до премьеры! А до этого у хора была всего одна репетиция. Французский у всех чудовищный; хор пришел на репетицию, не зная ни слов, ни музыки. Читали с листа: это была катастрофа! В общем, все опять в стрессе.

Мне-то что — я пела Далилу в концерте довольно часто. Недавно пела в Ливайном и Пласидо в Баден-Бадене, без костюмов, без декораций, только мы с Пласидо немножко подыгрывали друг другу, так, слегка. Вы не представляете, какой был успех! В конце все встали и ордали минут сорок.

Я сбилась со счета, сколько раз мы выходили на поклонны.

А в Зальцбурге?

И там было то же самое, все стояли на ушах. Но, конечно, зрелище тоже не помешает. Красивая постановка — это всегда приятно. Я Гергиеву так и сказала: «Мне очень хочется праздника в нашем театре!» Посмотрим, что получится, времени слишком мало.

Куда летите после премьеры?

В Чикаго, и тоже на «Самсона». Здесь спую Далилу в следующий раз уже только восьмого июня, на фестивале.

«мы с Димой Хворостовским уже не друзья»

но мы и не враги»

Квартира около театра, в которой вы живете, ваша собственная или родителей?

Собственная. Теперь она для нас маловата, конечно; мы живем теперь вместе с Ильдаром Абдразаковым, у меня три сына, за ними присматривает няня. А вся квартира около ста метров, четыре комнаты. В одной у нас

Я уверена, что женщина может коренным образом изменить мужчину, даже самого сильного. Поэтому, к моему большому сожалению, мы с Димой уже не являемся друзьями. Но мы и не враги.

Он ведь, кажется, крестный отец вашего сына?

Да.

И вы считаете, что новая жена повлияла на него негативно?

Не знаю, как сейчас, но когда мы еще общались, я могла наблюдать ее негативное влияние. Он становился жестче, прагматичнее. Однако у каждого своя жизнь. Я все равно желаю ему счастья и всяческих успехов. Наблюдаю за его карьерой и вижу, что у него все идет хорошо. Он в хорошей форме.

А у вас много друзей?

Много. И все они очень разноплановые. Есть школьные друзья. Есть подруги, совершенно не связанные с музыкой. Одна — медсестра, другая — воспитательница детского сада.

А среди коллег?

И среди них есть друзья, но у нас обычно очень мало времени для общения. Очень близкая моя подруга, с которой мы не раз выступали вместе, Марина Мещерякова. Мы в очень хороших теплых отношениях. Еще есть не друзья, а приятели. В театре есть несколько важных для меня людей.

Гергиев входит в их число?

С Валерием у нас особенные отношения. Мы ценим друг друга, но у нас нет времени общаться. Он очень занят, а я не очень люблю отрываться от дел. Получается, что мы общаемся либо на репетициях, либо на каких-то приемах. На другое времени не хватает.

А с Абдразаковым вы общаетесь только дома или на сцене тоже? Были у вас совместные выступления?

Да, выступали вместе в La Scala. Думаю, он все же будет петь Верхнего Жреца в «Аиде», а Доминго в том спектакле собирается дирижировать.

Как случилось, что его давно не слышно в Мариинском театре? Предложений нет.

Но начинал он очень ярко, почему его карьера не получила продолжения?

Он этого тоже не понимает. И обижается, конечно. Говорит, что, видимо, он театру не нужен. Вышла новая книга о театре, к трехсотлетию города. Так там его даже не упомянули, хотя он числится в солистах театра. Есть вещи, которые ранят. Хотя, в принципе, Ильдар — человек необидчивый. И он с большим удовольствием пел бы дома, а не в La Scala.

Насколько я знаю, Гергиев иногда спрашивает: «Почему Абдразаков не поет? Или же так скоро совсем забудут?» Он планирует репертуар в театре другие люди.

И с этим уже ничего не поделаешь.